

Потом пришла Романова. Она сулила ему награды, развлечения и разные пустяки, которые он может заслужить, словно он был каким-то ценным жеребцом. Словно он был дурацким мидгардским рабом.

Но Локи больше никогда не склонится. Ни после - ни с тех пор - никогда больше.

От нее он узнал, что Старк обговорил с Асгардом условия освобождения и гарантировал его испытательный срок в Мидгарде. Узнал, что Старк согласился нести за Локи личную ответственность, так что Богу Шалостей лучше не выеживаться.

Он посмеялся над Романовой. Как будто бы то, в чем клялся этот муравей, имело какое-то значение! И кроме того, разве он все еще не является Богом Огня? Шалости были не очень справедливым описанием, не тогда, когда не он их придумывал.

Тор тогда за ним так и не вернулся. Не захотел видеть Локи, если верить словам посланника Асгарда. Как сказали Локи, вместо него обговаривать условия его приговора Один прислал Сиф. И Локи смеялся, потому что, ну конечно, Один пошлет Сиф - ту, которая веками добивалась Тора, ту, которая в тысячах битвах сражалась на стороне Громовержца. Как бы ещё лучше сообщить мидгардской любви Тора о реальном положении дел?

Романова сказала, что он больше не представляет угрозу. Теперь командует Щ.И.Т. Но Старк уверен, что Локи находился под контролем, был марионеткой, подвешенной на леску. Она знала таких, сказала она, хороших людей, действовавших вопреки их обычному поведению, потому что им сказали, что их действия оправданы или что их семьи будут убиты. Или им угрожали невообразимыми пытками. К которым из них относится он?

Локи проигнорировал ее.

Иногда он дышал на стекло, позволяя своему холодному дыханию затуманить поверхность, а потом руническими буквами писал на нем свое имя. Первый раз, когда он так сделал, Романова застыла на месте, переписывая то, что он вывел.

На второй раз она только закатила глаза и ушла.

Он ждал, когда начнутся пытки. Очевидно же, что смертные не смогут устоять перед такой приманкой в его лице, отданной им. Быть может, его кровь остановит старение Мидгардцев. Быть может, в нем заключена тайна уничтожения какой-нибудь формы рака или заболевания крови. Или, может, люди попросту захотят мести? Просто разрежут его, чтобы посмотреть, как из него потечет кровь, чтобы послушать, как он кричит. Увидеть, истекает ли он кровью так же, как они, и, если он потеряет ее всю, умрет ли он или нет.

Он ждал, когда начнутся пытки, но проходили дни, затем недели, а Локи все еще был пленником Щ.И.Т.а, проведя в ожидании уже почти месяц.

Но ничего не происходило.

Время от времени к нему забегал Фьюри, но он главным образом просто смотрел на бога и качал головой, словно Локи его как-то разочаровал, словно подвел его. Словно от бога-трикстера, лидера инопланетного вторжения, он ожидал чего-то большего.

Забавно, думал Локи (если вообще озадачивал себя размышлениями). Так или иначе, но он подводил каждого с повязкой на глазу. Вот его истинная судьба, не иначе.

Однажды сквозь дверной проем проскользнул Бартон. Когда сменились стражники, одна смелая душа открыла дверь, чтобы просунуть внутрь свежие простыни и полотенце и собрать грязные вещи Локи. Локи было все равно, он даже не сдвинулся с того места на полу, где сидел уже почти неделю.

Но лучник пробрался внутрь, и, прежде чем Локи успел хотя бы взглянуть на него, пустил стрелу в левую руку Трикстера, прищипывая его к стене.

Локи посмотрел, как на полу разливается лужица крови, а потом повернулся к знаменитому лучнику Мстителей, застывшему на месте с удивленным выражением лица.

- Ты промазал, - фыркнул он; низкий горький смешок, заставивший Бартона вздрогнуть. Бог указал на точку на своей груди, отворачивая подол рубашки. - Вот здесь. Мое сердце расположено здесь. Стреляй сюда, маленький сокол.

Бартон сбежал. Маниакальный смех Локи преследовал его по пятам.

Позже появилась Романова, и вскоре в его бедро впился небольшой дротик. И прежде чем Локи успел его убрать, он свалился на бок без сознания.

Когда он вновь проснулся, его рука была перебинтована, а стрела удалена. На нем появилась новая одежда, да и сам он, наверное, стал чище, но Локи не потрудился выяснить, так ли это. Кожа под бинтами чувствовалась стянутой и горячей, а при движении ее подергивало. Взгляд Локи странствовал по комнате с таким же тошнотворным затормаживанием, с которым Локи пришел в себя после общения с наркотиками, которые использовал Щ.И.Т. Он так и позволил глазам бродить из угла в угол, пока не заметил за стеклом черный предмет - что-то, что, как он думал, ему следует узнать.

Локи заставил себя успокоиться, опуская голову на руки и моргая несколько раз. Как только туман рассеялся, а комната перестала двигаться, он узнал Старка. Смертный сидел по другую сторону стекла, жуя что-то, похожее на сэндвич, обернутый в пожелтевшую бумагу. Его теплые карие глаза изучали бога, словно Локи был машиной, которую необходимо разобрать и переработать вплоть до самого ядра.

- Пришел позлорадствовать? - Локи неграциозно пошатнулся на ногах, неподъемной рукой опираясь о стену за собой. - Пришел посмотреть на бога в клетке?

- Нет, нет, - смертный мягко улыбнулся, и Локи возненавидел его за это. - Угрожать. Помнишь?

- Уходи, - сказал Локи, отворачиваясь от стекла. Он преодолел два шага до своей кровати и свернулся на ней спиной к Старку.

- Как грубо, - сказал смертный. - Но ничего. Мне говорили, что я могу болтать сразу за двоих.

И после этого Старк стал приходить каждый день.

Он разговаривал, а Локи пытался его игнорировать, пытался не слушать его. Он говорил Локи о том, что бог дерьмово выглядит. Он спрашивал Локи о том, кто его послал, и было ли это как в Гарри Поттере, где Локи не мог назвать имя злого и страшного парня, чтобы на голову подобно электрической буре не свалились его магические силы и не убили того, кто его упоминает (что на самом деле было самой глупой вещью, которую Локи только слышал; прежде всего, потому что он не считал, что мидгардцы действительно обладают сейдом). Он увещевал Локи поест. Принять душ. Выйти из того угла комнаты, в котором Локи устроился две недели назад.

Иногда становилось тихо, и Локи спал. А когда он спал, то проваливался в навязчивые сны, в кошмары о тех временах, проведенных с Иным, о красном, зеленом, желтом, голубом, черном и опять голубом, и о боли, и о красном, красном, красном, и он с криками просыпался.

И иногда, когда он просыпался, крича, его руки становились синими. Эта зараза, похожая на плоть, пораженную чумой и загубленную стихиями, поползала до самых локтей. И плечи Локи тряслись, и он скулил, снова и снова, пока не угасала синева, пока не угасали сны, пока не угасал и сам Локи.

То были самые худшие мгновения. Когда он понимал, что никогда не умрет, никогда не получит этого вечного облегчения.

Неважно, что он делал, неважно, как он изводил своих тюремщиков, как насмехался над Фьюри и Романовой, а потом игнорировал их и ни на что не обращал внимания, никто не причинил ему боль. Никто не навредил ему.

Он и так уже достаточно натерпелся, сказал Старк.

А потом Старк опять исчез, и плечи Локи опустились, а потом он злился на себя, потому что никак не подозревал, что найдет нескончаемую болтовню смертного успокаивающей, найдет утешение в мысли, что Старк приходит каждое утро, чтобы провести с богом час, а то и больше, и разговаривает обо всем на свете - от межгалактического ублюдка, который, как

гений себе вообразил, мучил Локи (и он был не так уж далек от правды на этот счет, думал Локи) до светских тем (в Нью-Йорке предположительно наступило лето).

Вскоре после того, как исчез Старк, в гости пришел Роджерс.

Он сказал, что Старк верил в Локи (верил? Он передумал? Или с безрассудным смертным что-то случилось?), и Роджерс не позволит вере Старка в то, что Локи заставили, исчезнуть. Роджерс рассказал Локи, что тот был решительно не согласен с пытками, и теперь с ним тоже ничего не случится, даже если... даже если...

И вот так Локи выяснил, что Старк пропал, и все думали, что он мертв. Но Роджерс не позволит им отменить приказ Старка, Локи в безопасности.

Ну, думал Локи после того, как ушел солдат, по крайней мере, теперь он знал, почему Щ.И.Т. не решился распилить его на части. Пока что. Время еще есть. Они передумают. Они увидят, как синеют его руки, довольно скоро они поймут, что он не такой, как они, что он не человек. Что он этого не стоит.

Старк вернулся несколько недель спустя, и выглядел он весьма потрепанным.

Нос был залеплен белой полосой, а порез на лбу пересекали несколько грубых линий, будто бы, как показалось Локи, его сшили словно рваную рубашку. Вместо того, чтобы сесть напротив Локи, он расхаживал перед стеклом, нетерпеливо притоптывая ногой. А он молчаливый, осознал Локи, заставляя себя в первый раз за несколько недель сесть, привалившись спиной к стене. Слишком молчаливый.

Быть может, Мидгард был более опасным, чем он думал.

- Прости, Локес, я отлучался, - начал смертный. - Пришлось опять мир спасать.

Он просто стоял там, прислонившись к стеклу, прижавшись лбом к его поверхности, и изучал Локи. Как жука внутри стеклянного аквариума, и эта мысль вынудила губы бога изогнуться вялой линией.

Старк вернулся на следующий день.

<http://tl.rulate.ru/book/73541/2046108>